

Когда рабочий день подошел к концу и Фан Цзычэнь пустился в обратный путь, он еще издали заприметил знакомую фигурку. У самого въезда в деревню, на обочине, сидел маленький комочек, терпеливо дожидаясь его возвращения.

— Гуай-цзай! — окликнул он ребенка, в несколько размашистых шагов преодолевая разделявшее их расстояние. — Ты чего здесь сидишь? Почему не играешь с Лю-лю?

— Я ждал отца, — малыш радостно подбежал к нему и вложил ладошку в его руку. Задрал голову и глядя на мужчину своими огромными черными глазами, он торжественно произнес: — Спасибо, отец.

Фан Цзычэнь присел перед ним на корточки и легонько потрепал по макушке:

— И за что же ты меня благодаришь?

— За то, что отец купил мне баоцзы. Надо сказать «спасибо», — старательно выговаривая слова, пролепетал Гуай-цзай.

Днем Чжао-гэр принес ему баоцзы и объяснил, что это угощение от отца. С тех пор мысли малыша были заняты только одним — как бы поскорее выразить свою признательность. Он вышел к дороге заранее, чтобы уж точно не разминуться. К тому же папа всегда учил его: взрослые любят только вежливых детей.

— Спасибо, отец! — повторил Гуай-цзай с самым серьезным видом. — Когда я вырасту, я обязательно буду очень-очень сильно тебя почитать.

Видя такую решимость на детском личике, Цзычэнь не сдержал улыбки и решил подразнить его:

— И как же именно ты собираешься меня почитать?

— Э-э-э... Ну...

Мальчик замаялся. Откуда ему было знать тонкости сыновней почтительности? Он лишь часто слышал, как старики в деревне приговаривали: «Хороший ребенок — тот, кто почитает дедов, не зря мы тебя растили». Раз так говорят, значит, это важно. Но вот как это делать на практике — задача оказалась не из легких.

Видя, как Гуай-цзай наморщил лоб и стал похож на маленького сморщенного старичка, Фан Цзычэнь тихо рассмеялся. Наконец, малыш нашелся:

— Когда у Гуай-цзая будут деньги, он тоже купит отцу вкуснятины. А когда отец состарится и ляжет в кровать, не в силах шевельнуться, я его ни за что не выгоню! Буду за тобой ухаживать, горшки выносить, кашкой кормить и в ванне мыть. А когда ты умрешь, я разобью поминальную чашу, понесу твой гроб и буду на каждый праздник жечь тебе много-много бумажных денег и благовоний!

Фан Цзычэнь:

«...»

Улыбка мгновенно сползла с его лица.

«Ну, удружил, сынок. Век не забуду», — мрачно подумал он.

— Отец, — продолжал тем временем Гуай-цзай, — Лю-лю тоже ел баоцзы. Он хотел пойти со мной, но дома у дяди Чжоу сейчас очень-очень много дел, так что я пришел один. Лю-лю просил передать тебе большое спасибо.

— Понимаю, — Цзычэнь взял его за руку, и они неспешно зашагали к дому. — Вы оба — очень воспитанные и хорошие дети. А твой папа уже вернулся? Или всё еще помогает у тетушки Лю?

— Папа уже дома. Сказал, что будет готовить отцу ужин.

— Какой он у тебя всё-таки заботливый, — хмыкнул мужчина.

Кое-какие овощи в их огороде уже созрели, так что Чжао-гэр приготовил на ужин тарелку свежей зелени и миску жареных кислых бобов. Кислые бобы — закуска простая: нарезал, плотно набил в банку и под замок. В летнюю жару три-четыре дня — и готово. К этому времени они еще не успевали стать чересчур кислыми, так что их можно было даже не промывать — просто бросить на сковороду вместе с мелко рубленным чили. Остро, кисленько — лучшего средства для аппетита не придумаешь.

Рисовая каша, сваренная еще в полдень, успела остыть. Фан Цзычэнь положил в нее пару ложек обжаренных бобов, перемешал и в несколько мгновений опорожнил миску. Гуай-цзай, не желая отставать, потребовал сделать ему так же. Его повадки и некоторые вкусы за последнее время стали до странного напоминать отцовские.

Малыш еще не очень уверенно управлялся с палочками, поэтому Цзычэнь купил ему небольшую деревянную ложку. Сейчас Гуай-цзай уплетал ужин за обе щеки, правда, выглядел при этом немного комично — из-за отсутствия нормальной мебели ему приходилось есть стоя.

Урожай кукурузы на полях можно будет собирать уже через месяц. В это время в полях всегда объявлялось несметное количество крыс. Если вовремя пропалывать сорняки, грызунов

становилось меньше, но работа эта требовала сил. Дядя Лю из-за травмы не мог даже подняться с постели, так что на его помощь рассчитывать не приходилось. Сорняки росли сами собой, овощи на продажу нужно было собирать — тетушка Лю и Чжоу-гэр просто разрывались между делами.

Поэтому Чжао-гэр каждый день, управившись с домашними хлопотами, забирал Гуай-цзя и спешил к ним на подмогу. И почти каждый раз по пути ему попадался Ма Вэнь. Этот человек, похоже, и не думал сдаваться — при каждой встрече он преграждал Чжао-гэру дорогу и пытался завязать разговор. Разумеется, такие встречи не остались незамеченными односельчанами.

Слухи разлетелись по деревне быстрее ветра.

— Слыхали? Чжао-гэр и Ма Вэнь, похоже, снова сошлись.

— Глаза разуй! Ты на лицо Чжао-гэра посмотри. Видно же, что Ма Вэнь за ним хвостом ходит и прохода не дает.

— Да все это знают. Ма Вэнь раньше на каждом углу кричал, что ни на ком, кроме него, не женится. Хотя, зная его семейку, Чжао-гэру нужно быть совсем дураком, чтобы к ним вернуться.

— Тьфу на вас! Подумаешь — гэр! Ма Вэнь парень видный, работа приличная, неужто он этому Чжао-гэру не пара?

— Вот-вот! — поддакнула другая кумушка. — Да что в этих гэрах вообще такого? Ни мужчина, ни женщина. Силы мужской нет, а рожают хуже нас, баб. И кожа у них как дубленая. То, что Ма Вэнь на него вообще смотрит — это Чжао-гэру за все прошлые жизни удача привалила.

— Да вы просто завидуете! — встряла третья. — Всем известно, что вы своих дочек за Ма Вэня пристроить мечтаете. Да только толку-то? Ему даже гэр милее ваших девок.

— А Чжао-гэр тоже хорош, — проворчал кто-то. — Раз уж сошелся с Паренёком Фаном, так и вел бы себя прилично, от других мужиков шархался. А он каждый день на улице мелькает, всё ищет чего-то. Непokoйный он.

— Да Паренёк Фан гол как сокол. Раньше хоть на пристани спину гнул, а теперь там и работы нет. Таскается в город каждый день, ни разу его с вязанкой дров не видели. Личико белое, гладкое — сразу видно, трудиться не привык. Наверняка лентяй первостатейный. Чжао-гэру, может, и нравится, что его там не бьют, да только на пустой желудок долго не нагуляешься. Вот он небось и пожалел, теперь снова хвостом перед Ма Вэнем крутит.

— На днях говорили, их у речки видели. Стояли, о чем-то спорили, чуть не за руки хватались.

Если они при всех такое позволяют, представьте, что там втихую творится!

— Эх, — со смешком подытожил старик, — чует мое сердце, скоро Паренёк Фан снова станет «счастливым отцом».

В деревне то и дело слышались смешки, пересуды и самые невероятные домыслы. Фан Цзычэнь уходил на рассвете и возвращался в сумерках, с соседями почти не общался, а потому о происходящем даже не подозревал.

В этот день в обеденный перерыв к нему подошел один из официантов:

— Брат Фан, там тебя снаружи спрашивают.

В трактире и стар и млад называли его так — уважали за сноровку и острый ум. Молодой человек отложил книгу:

— Кто там?

— Не знаю.

Выйдя наружу, Фан Цзычэнь к своему удивлению увидел Хэ Си. В деревне только семья старосты да тетушка Лю знали, что он работает в «Башне Пьяной Ночи». Тетушке Лю рассказал Чжао-гэр, а старосте — сам Хэ Си. Полмесяца назад Цзычэнь как раз шел на смену, когда встретил его по дороге с возом дров. Хэ Си тогда предложил подбросить его на телеге, а в пути, за разговорами, молодой человек и обмолвился о своем месте службы.

Полдень выдался жарким, и Фан Цзычэнь пригласил гостя войти, чтобы выпить воды, но Хэ Си, явно смущенный обстановкой трактира, наотрез отказался. Мужчина настаивать не стал — вынес ему миску воды сам.

— Что привело тебя в такую жару? Случилось что? — спросил он.

Хэ Си отпил немного воды и начал:

— Матушка велела передать... В деревне слухи про Ма Вэня и Чжао-гэра ползут. Ты слышал что-нибудь?

— Про Ма Вэня? Бывшего мужа Чжао-гэра? — стоило услышать фамилию «Ма», как Цзычэнь понял: эта семейка снова взялась за старое.

Хэ Си, не таясь, выложил всё как на духу. Слухи в деревне Сяохэ кипели такие, что

игнорировать их было уже невозможно. Ван Дамэй, понимая, что Фан Цзычэнь и Чжао-гэр, скорее всего, ни о чем не подозревают, решила сначала предупредить их. Пересуды нужно было прекратить, пока они не зашли слишком далеко, ведь это в любом случае плохо сказывалось на репутации Чжао-гэра.

— Я понял, — ровным голосом ответил Фан Цзычэнь. — Спасибо, что не поленился прийти.

— Да не за что, всё равно по пути было, — Хэ Си в замешательстве поскреб затылок. — И что, ты совсем не сердишься?

Будь он на месте Цзычэня, узнав, что его супруга так нагло преследуют, а по деревне полощут его имя, он бы уже места себе не находил от ярости.

Фан Цзычэнь улыбнулся:

— Пускай болтают. Языки-то их, не мои. От их слов от меня кусок не отвалится, так чего зря нервы тратить?

Слова звучали здраво, но Хэ Си невольно поежился. Улыбка мужчины была какой-то зловещей, а в голосе слышался едва сдерживаемый скрежет зубов.

Обычно он заканчивал в шесть, но сегодня Фан Цзычэнь отпросился на два часа раньше. С самого полудня, после разговора с Хэ Си, лицо его было темнее тучи. Управляющий Ян, не выдержав, полюбопытствовал:

— Что стряслось-то? Дома проблемы?

Фан Цзычэнь молча собирал вещи.

— Еще какие, — бросил он напоследок. — Пока я делом занят, какой-то подлец решил подкоп под мою стену устроить.

— Что?! — управляющий Ян не на шутку встревожился. — Как же так? Это же опасно, если стена рухнет — и придавить может! Кто же это такой бессовестный выискался?!

Фан Цзычэнь:

«...»